

«У него не было чрезмерных амбиций»

ИЗВЕСТИЯ: Сейчас фамилию Микояна многие ассоциируют со слоганом мясocomбината. Мог ли ваш дед представить, что такое когда-нибудь станет возможным: покупайте-продавайте Микояна? Наверняка потребовал бы «разобраться»...

Стас Намин: Сам я мало обращаю внимания на рекламу, поэтому не очень помню эту чепуху. А Анастас Иванович Микоян, думаю, за свою жизнь видел столько глупости, несправедливости, оскорблений, даже тюрем и смертей, что на это плебейство он бы просто не обратил внимания. Как бы мы ни хорохорились, вспоминая великие традиции русской культуры, но реально герои нашего времени все еще Шариков и Швондер. Именно это мировоззрение является точкой отсчета и в массовой культуре, и в политике, и, извините, отчасти в журналистике. С этой позиции сегодня рассматривают и историю. Легко говорить и придумывать все что угодно про тех, кого уже нет. Есть подобная тенденция и в современном кинематографе — к примеру, в фильме «Серые волки» Хрущев, Микоян и другие выглядят как трусливые и суеверные людишки с бегущими глазами.

ИЗВЕСТИЯ: Вы считаете, что их выставляют карикатурно-отрицательными?

Намин: Я не говорю о том, хорошие они или плохие, но уж точно не глуповатые, трусливые и суеверные, как их часто представляют. Они прошли пытки и тюрьмы, видели смерть лицом к лицу и не боялись ее. У них было достаточно гражданского мужества и смелости, и при всех своих разногласиях они внушали уважение. Много ли сегодня таких?

ИЗВЕСТИЯ: Анастас Микоян — рекордсмен по политическому долговечности. Как шутили, «от Ильича до Ильича — без инфаркта и паралича». Как вы для себя объясняете беспрецедентный феномен «выживаемости» вашего предка?

Намин: Я думаю, в действительности феномен Микояна в том, что он обладал редким набором уникальных качеств — с одной стороны, он быстро и результативно справлялся со сложнейшими проблемами, такими, как создание и руководство различными наркоматами, развитие новых отраслей промышленности, торговля (во время войны именно ему было поручено отвечать за снабжение фронта). С другой стороны, у него не было чрезмерных амбиций. К тому же обмануть Сталина, Берия или кого бы то ни было из того круга было практически невозможно. Поэтому, если бы он был неискренним, он бы не выжил. Он в действительности был таким, и таким мы помним его даже в семье.

«Из Политбюро никто не уходил добровольно, а Микоян нарушил правило»

ИЗВЕСТИЯ: Сам Анастас Иванович писал в мемуарах: «Мне просто повезло тогда».

Намин: Наверное, плюс ко всему еще и повезло... Пройти всю войну на передовой и остаться в живых — это, конечно, и везение тоже.

ИЗВЕСТИЯ: Что дети и внуки любили в нем больше всего?

Намин: Он обладал хорошим чувством юмора — сам смеялся над шуткой «от Ильича до Ильича». В то время из Политбюро, тем более с верхнего его эшелона, никто не уходил добровольно. И Микоян нарушил это правило, не дав Брежневу, который сильно завидовал его всемирной славе и репутации, снять его с поста. Брежнев перевел дела с той государственной дачи, на которой жила семья Анастаса Ивановича более 50 лет, в маленький домик подальше от Москвы. От старой дачи дед, который любил грести на лодке, ходил пешком до реки каждый день несколько километров. А от новой река была совсем рядом. Я помню, дед говорил: «Как хорошо, что у нас теперь эта дача — река совсем рядом и вид красивый».

ИЗВЕСТИЯ: В мемуарах ваш дедушка много пишет о репрессиях 30-х...

Намин: Сейчас, когда людей этих нет и жизнь совсем другая, очень легко развешивать и обвинять. Фактически у каждого работающего в государственном аппарате того времени можно найти что-то, за что зацепиться. Особенно в руководстве — все были вынуждены где-нибудь пусть даже формально, но поставить подпись. Впрочем, оказывается, и в наше время, когда вроде бы демократия и не стоит вопрос жизни или смерти за вольнодумство, даже люди с именем и как бы независимые, не работающие в государственных аппаратах, легко подписывают «состряпанные» обвинительные письма (в «старых добрых» традициях прошлого режима), за которые должно быть стыдно, стараясь всячески закрывать с властью и приблизиться к ней любой ценой.

Если говорить о Микояне, мне кажется, что в своей жизни он сделал достаточно много позитивного и для отдельных людей, и для своего народа, чтобы объективно оценивать его фигуру в истории. Думаю, не случайно, что сегодня, когда уже все архивы открыты и мифы развенчаны, в памяти людей он сохранил доброе имя.

ДАТА

Сталин обвинял Микояна в заговоре против него и называл американским шпионом (1935)

«Я взял на кухне самый большой поднос, набрал в него снега и принес Фиделю»

ИЗВЕСТИЯ: В 1962 году, в разгар карибского кризиса, когда мир стоял на грани войны, Хрущев послал Микояна на Кубу, чтобы урегулировать конфликт. Почему он выбрал именно вашего деда?

Намин: Это только Хрущев знает, почему он выбрал именно его. Но, как оказалось, не ошибся. Думаю, именно в этих сложнейших ситуациях — индонезийском и кубинском кризисах — Микоян показал себя как дипломат высшего международного уровня. Не случайно его называли «человеком № 2» в хрущевском руководстве. Его уже тогда связывали личные отношения с лидерами сверхдержав — Мао Цзэдуном, Кеннеди и другими. Его талант, юмор и жизнелюбие позволяли ему находить общий язык как с крупнейшими политиками и бизнесменами, так и с простыми людьми.

После переговоров с Кеннеди, когда Микоян возвращался в Москву на американском «Боинге», вылет был задержан более чем на час из-за опоздания на самолет его сына Серго. И поэтому покушение, которое было на него подготовлено (бомба взорвалась в одном из двигателей самолета), не удалось, так как самолет еще не долетел до океана и сумел совершить аварийную посадку. Потом журналисты спрашивали деда: «Почему вы не испугались, когда загорелся двигатель, а как ни в чем не бывало попросили стюардессу принести рюмку армянского коньяка». Он, не задумываясь, ответил: «Если за штурвалом американский летчик, мне бояться нечего».

После кубинского кризиса он оказался на обложке журнала «Time» и был назван

**Внук Анастаса Микояна, музыкант
Стас Намин:**

«Он сам смеялся над шуткой «от Ильича до Ильича»

К 110-летию Анастаса Микояна

Анастас Микоян — практически единственный из политиков советской эпохи, находился у власти больше 50 лет. Родившись в царской России, он еще при Ленине смог сделать завидную партийную карьеру, и спокойно ушел на заслуженный отдых в брежневские времена. Своими воспоминаниями о знаменитом деде с корреспондентом «Известий» Тимуром Архангельским поделился внук Анастаса Ивановича Стас Намин.

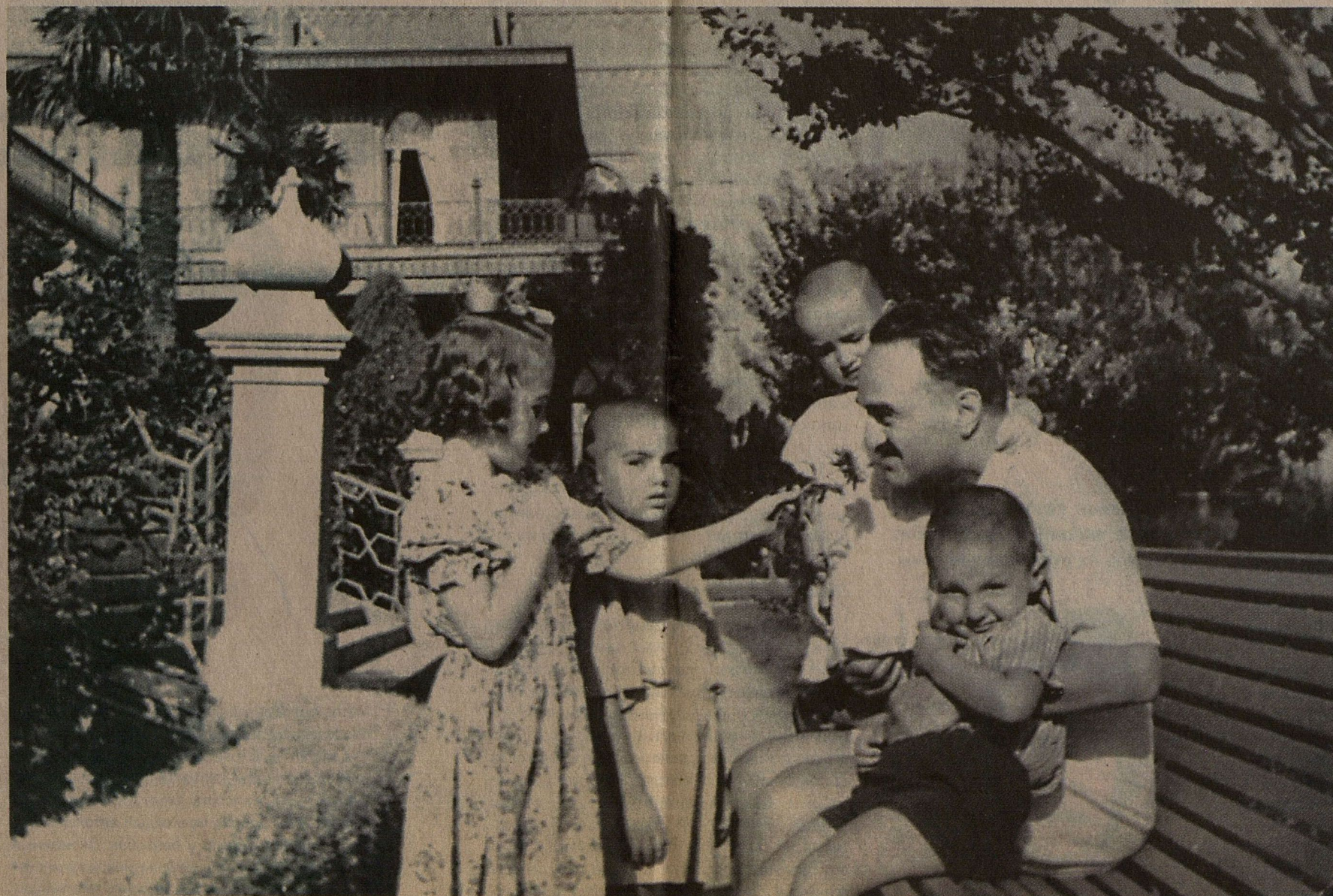
«лучшим менеджером мира по урегулированию кризисов».

ИЗВЕСТИЯ: И во время этой ответственной миссии скончалась супруга Анастаса Ивановича Ашхен...

Намин: Мне о том, что тогда произошло на Кубе, рассказывал Евгений Максимович Примаков, а ему сам Кастро. Когда шли переговоры о вывозе ракет с территории Кубы, Фидель был категорически против этого. Он был готов к войне, готов был принести в жертву весь свой народ. Причем у него были железные аргументы: вы меня втянули в это, а теперь вы же меня и оставляете один на один с Америкой, которая меня раздавит. Переговоры заходили в тупик. В этот момент Фиделю его помощник принес сообщение о том, что умерла Ашхен. Тогда Кастро объявил перерыв и, подойдя к Микояну, с которым его уже связывали дружеские отношения, сказал: «Анастас, я очень сожалею. Если хочешь, то давай все свернем, езжай домой». Дед поблагодарил Фиделя, но сказал, что не поедет. Возвращаясь в комнату переговоров, Кастро увидел Микояна, стоящего в одиночестве и смотрящего в окно. Он подошел поближе и увидел у него на щеке слезу. И тут, видимо, что-то произошло, и Фидель увидел неразрешимую ситуацию переговоров совсем с другой стороны. Когда все собралось за столом переговоров, Кастро вдруг встал и сказал: «Я согласен. Мы выведем ракеты». Эта история похожа на голливудский сценарий. Но это абсолютно реальный факт.

ИЗВЕСТИЯ: Вы сказали, дедушка с Фиделем стали друзьями. Они бывали друг у друга в гостях?

Намин: Я помню, как к нам первый раз приехал Фидель с братом Раулем и его супругой.

Анастас Микоян проводил больше времени с внуками, чем с детьми (1959)

гой. За обедом Кастро сказал: «Я никогда в жизни не видел настоящего снега, но, кажется, я опоздал, у вас уже весна, и его нет». Я, будучи мальчиком, слышал этот разговор и, зная, что в одном месте, в тени оврага, он еще не растаял, взял на кухне самый большой поднос, набрал в него снега и принес гостям. Видно, Фидель запомнил меня по этому случаю. Спустя много лет, в конце 80-х, когда мою группу уже начали выпускать за границу, я приехал с концертами на Кубу. Выступая в самом престижном зале Гаваны, я вдруг увидел, что в партере только русские, а кубинцы собрались на галерке. Оказалось, что их не пускали к сцене. Тогда я по молодости резко решил приостановить концерт, пока их не пустят. И только после 40-минутной паузы, когда увидел кубинцев рядом со сценой, продолжил. Во время этого перерыва ко мне несколько раз приходили представители посольства и другие люди в штатском, намекая на серьезные для меня последствия. А на следующее утро меня вызвал к себе посол. Я ожидал полного «разноса», но вдруг посол поздравил меня с успехом и сказал, что Родина нами гордится. Я был растерян и не понимал, что происходит. До тех пор пока не увидел на первой полосе главной кубинской газеты фотографию моего ансамбля с подписью «Группа Стаса Намина покорила Кубу». И тут я понял, что Фиделю доложили о том, что произошло, и он таким образом решил меня спасти от репрессий еще сильного тогда в СССР режима.

«Группа Микояна — это же почти группировка»

ИЗВЕСТИЯ: Часто ли вы могли общаться с дедом?

Намин: Внукан он уделял больше времени, чем детям. Не знаю, с чем это связано. Может быть, когда его сыновья были маленькими, он попросту был больше занят. Или к нему, как и ко всем, с возрастом пришло особое ощущение семьи.

ИЗВЕСТИЯ: Как возникла большая микояновская семья?

Намин: Генеалогическое древо семьи Микоянов само по себе действительно очень любопытно. В позапрошлом веке где-то высоко-высоко в горах в армянской деревеньке Сананин у двух влюбленных, Тамары и Ивана, родилось трое детей, все мальчики — Ервант, Анастас и Артем. Когда они выросли, младший Артем стал авиаконструктором и изобретателем самолетов МиГ, средний, Анастас, стал политиком, а старший, Ервант, ничего особенно серьезного никогда не делал — любил шутить, играл в домино и часто подтрунивал над братьями. Между ними до конца дней всегда были близкие родственные отношения. У Анастаса родилось пятеро детей — тоже все мальчики, а потом родилось 10 внуков — пять девочек и пять мальчиков. Я один из них.

ИЗВЕСТИЯ: Как дедушка относился к вашему увлечению музыкой?

Намин: Он одобрял. В 1972 году я принес ему свою первую виниловую пластинку, он, увидев имя Стас Намин, спросил: «А почему ты поменял имя?» И я ответил: «Представляешь, если бы была группа Микояна. Это же почти группировка». Дед засмеялся, а потом, послушав музыку, одобренно отметил песню «Звездочка моя ясная».

ИЗВЕСТИЯ: А вы сами не хотели пойти по стопам вашего знаменитого предка?

Намин: Так получилось, что я с детства видел разных политических деятелей, многих знал лично. И всегда удивлялся, почему они ведут себя и рассуждают как обычные люди. Мне по наивности казалось, что государственные мужики такого уровня, которым дано управлять судьбами народов, должны вести почти монашескую жизнь, как бы пожертвовав обычными радостями ради высшей цели. Конечно, это детский идеализм, но, с другой стороны, я больше понимаю царей, которых с детства воспитывали в служении Отечеству. Даже при всем страшном демонизме сталинской эпохи тогда все-таки преобладало хоть и жестокое, но все же государственное мышление, а не столь откровенный, как ныне, цинизм самообогащения. Причем эта тенденция времени, которая относится не только к нашей стране. Я и по сей день наивно удивляюсь, как самое достойное дело в жизни — служение народу и Отечеству — в нашей стране, да и во всем мире называется «грязным».

Карибский кризис сделал Анастаса Микояна и Фиделя Кастро близкими друзьями (середина 60-х)